

Чжао Хэчэнь удивлённо приподняла брови. Она слышала, как Жань Гучжу отзывалась о Цзи Юйтан, называя её никчёмной. Тело, рассеивающее дух, не может постичь Путь, и даже врождённое Сердце Дао пропадает впустую. Впрочем, в словах младшей сестры Жань была доля правды: между бессмертными и смертными — пропасть, и короткая человеческая жизнь не может быть их целью. «Возможно, она следует воле родителей», — ответила Чжао Хэчэнь, хотя сама в это слабо верила. Если бы Жань Гучжу была послушной, разве совершила бы она нечто подобное?

Чжао Хэчэнь на мгновение задумалась, затем спросила:

— Кстати, старший брат, ты выяснил, какова цель младшей сестры Жань?

Цинь Жошуй равнодушно ответил:

— Разве в странствиях обязательно должна быть цель?

Чжао Хэчэнь: «...» Помолчав, она произнесла:

— Кто отправляется в Северное Море просто ради странствий? Да ещё берёт с собой того, кто не может практиковать? На Севере сейчас беспокойно, весьма вероятно, что это происки последователей демонического пути. Если это просто прогулка, то, пожалуй, стоит их отговорить.

Цинь Жошуй покачал головой:

— Младшая сестра Жань уже завершила Закладку Основания.

Чжао Хэчэнь вздрогнула:

— Так быстро? Сколько времени она провела во Дворце Дао Тайюань?

Цинь Жошуй улыбнулся:

— Дома она, наверное, тоже практиковала. В конце концов, старшая Жань когда-то была одной из тех, кого Небесные Чертоги Весны и Осени рассматривали как возможных приемников.

Цзи Юйтан не ограничилась словами. Когда Ли Цзиньюй вновь отправилась на собрание для обсуждения Пути, она пошла следом.

Около десяти практикующих сидели в кругу, и по колебаниям их магической силы можно было угадать их происхождение. Единственным более-менее знакомым лицом был Цинь Жошуй. Цзи Юйтан молча поздоровалась со всеми кивком и тихо уселась рядом с Ли Цзиньюй.

Жемчужина Таинственных Образов была драгоценностью, способной накапливать магическую силу и одновременно скрывать «Тело Рассеивания Духа». Окружающие, взглянув на неё, решали, что она просто сдерживает свою энергию, и потому не ощущали её силу. Цинь Жошуй и Чжао Хэчэнь, зная правду, обменялись с Ли Цзиньюй несколькими красноречивыми взглядами, словно спрашивая: «Зачем Цзи Юйтан здесь?»

На корабле, несмотря на стабилизирующие формации, практикующим запрещалось скрещивать оружие или устраивать потасовки, дабы не тревожить остальных. Поэтому собрание для обсуждения Пути делало акцент именно на «обсуждении». Понимание «Дао» в определённой степени определяло уровень человека и конечную цель его пути. Все

обменивались репликами, и лишь Цзи Юйтан хранила молчание. Её отстранённость было трудно не заметить, но каждый раз, когда кто-то пытался вовлечь её в разговор, Ли Цзиньюй мягко, но твёрдо пресекала эти попытки. На её взгляд, то, что Цзи Юйтан вообще вышла из каюты, уже было прогрессом; требовать большего не стоило.

— Друг Цзи, не сыграем ли партию в шахматы Пути? — молодой практикующий с горящими глазами устремил на Цзи Юйтан пристальный взгляд.

Цзи Юйтан приподняла бровь. Шахматы Пути заключали в себе принципы искусств Дао и демонстрировали изменения в собственном Великом Пути, будучи безмолвной формой «дискуссии». Подумав, что отказывалась уже много раз, она кивнула:

— Хорошо.

Молодой практикующий, обрадованный её согласием, тут же взмахнул рукавом, и между ними материализовалась шахматная доска. — Я знаю, некоторые товарищи не слишком красноречивы, — пояснил он. — В такие моменты на помощь приходят шахматы Пути. Мы можем обменяться пониманием, не проронив ни слова, и при этом уровень мастерства не имеет значения.

Пока они расставляли фигуры, остальные продолжали дебатировать, но постепенно голоса стихли, и все взоры невольно устремились на доску. Особенно внимательно наблюдал Цинь Жошуй. Этот молодой человек страстно любил игру, и его собственный Путь был связан с «шахматами», что давало ему скрытое преимущество в постижении небесных закономерностей. Обычные противники быстро сдавались под его натиском, не говоря уже о Цзи Юйтан. Однако расклад на доске оказался противоположным его ожиданиям: фигуры молодого практикующего шаг за шагом отступали, а на его лбу выступила испарина.

— Образ Дракона Дао и Дэ? — Цинь Жошуй сузил глаза и произнёс низким голосом. Образ Дракона Дао и Дэ был воплощением, выведенным из облика Даосского Прародителя Тайшан, — Истинный Дракон морали и добродетели, не имеющий ничего общего с пронизанными демонической аурой драконьими отродьями. Это был дракон самого мироздания. Вначале — «Скрытый дракон в пучине», затем — «Взлетевший дракон в небесах», и наконец — «Дракон, познавший раскаяние на вершине», что отражало цикличность перемен между небом и землёй. Неужели всё дело во врождённом Сердце Дао? Ошеломлённый, Цинь Жошуй взглянул на невозмутимое лицо Цзи Юйтан.

С глухим стуком фигура упала обратно в коробку. Молодой даос вытер пот со лба и, сложив руки, поклонился Цзи Юйтан:

— Я проиграл. — Помедлив, добавил:

— Завтра вы снова придёте, друг Цзи?

Цзи Юйтан уже собиралась согласиться, как Ли Цзиньюй бросила на молодого даоса беглый взгляд и улыбнулась:

— Завтра у нас дела.

Молодой даос: «...» Какие дела могут быть на корабле? Неужто собираются нырять за сокровищами? Видя, что Цзи Юйтан не возражает, он с сожалением вздохнул:

— Если у вас будет свободное время, друг Цзи, буду рад снова сыграть с вами.

Цзи Юйтан кивнула.

Этого молодого практикующего звали Линь Хэн. Он был истинным наследником Обители Бессмертных Ланхуань, одной из школ конфуцианского Пути. Его основным путём было искусство живописи, но он также глубоко изучал и шахматы. Цзи Юйтан не желала общаться с людьми из Дворца Дао Тайюань, но обмениваться постижениями с единомышленниками было необходимо, и Линь Хэн оказался подходящим выбором. В конце концов, Обитель Ланхуань и Небесные Чертоги Весны и Осени принадлежали к одному Праведному Пути Благородного Духа.

Если раньше из каюты выходила лишь Ли Цзиньюй, то в последующие дни их роли, казалось, поменялись. Цзи Юйтан теперь часто уходила рано утром и возвращалась поздно, а Ли Цзиньюй оставалась в каюте, погружённой в медитацию, коротая таким образом долгие дни плавания.

В один из таких дней.

Едва Цзи Юйтан лёгкой походкой вернулась в каюту, как её уши достиг холодный голос Ли Цзиньюй.

— Обсуждать Путь с друзьями, конечно, хорошо. Но если только обсуждать, а не следовать ему, то всё это тщетно.

Цзи Юйтан взглянула на неё, почувствовав нечто странное. Отведя взгляд, она через мгновение вновь посмотрела на Ли Цзиньюй и, притворившись недоумевающей, спросила:

— Разве не вы, друг Ли, учили меня поступать именно так?

Ли Цзиньюй: «...» Опровергать это она не могла. Подумав, она спросила:

— Ну а как насчёт твоего постижения «Небесной книги Дао и Дэ» за последнее время? Можешь уже записать её канонический текст?

Снова «Небесная книга Дао и Дэ»? Неужели она этого и добивается? Взгляд Цзи Юйтан стал холодным. Подавив подступившие эмоции, она улыбнулась:

— Зачем записывать канонический текст?

Ли Цзиньюй объяснила:

— Переписывание канонических текстов — тоже одна из форм практики. — В последнее время она много размышляла. Забрать обратно саму «Небесную книгу Дао и Дэ» было нереально. Но если Цзи Юйтан заново воссоздаст её... это уже другое дело. Толкований к канонам линии Тайшан может быть множество, но фундаментальный канон всегда только один. Если Цзи Юйтан воспроизведёт «Небесную книгу Дао и Дэ», используя канонические письма, то истинный смысл Дао и Дэ перетечёт в этот новый текст, заместив собой прежний. Раньше у неё не было таких мыслей, но, увидев, как Цзи Юйтан в шахматной партии воплотила Образ Дракона Дао и Дэ, она осознала, что прежде всё же недооценивала врождённое Сердце Дао.

— Неужели? — Цзи Юйтан посмотрела на неё с видом человека, обдумывающего что-то.

Ли Цзиньюй вздрогнула и поспешила добавить:

— Впрочем, это довольно грубый метод. — Она мягко улыбнулась. — У тебя ведь врождённое Сердце Дао. Такие примитивные приёмы тебе и не нужны.

Цзи Юйтан лишь «хм»кнула в ответ и больше не заговаривала на эту тему. Однако в последующие дни она оставалась в каюте, погружённая в самосовершенствование. Её тело было наполнено первозданной энергией. Практикуя драконьи техники, она невольно источала лёгкое драконье величие, сама того не замечая, полностью погружённая в безмолвное созерцание. Ли Цзинъюй, делившая с ней каюту, слегка нахмурилась, тихо вздохнула и создала в помещении лёгкую водяную дымку, скрывающую распространяющуюся наружу драконью ауру.

Месяц спустя.

Морское судно достигло Теневой области Сюаньмин на окраинах Северного Моря. Это место именовали «Землёй Трёх Запретов» — концентрация энергии инь здесь была крайне высока, и обычные корабли не рисковали сюда заходить. Однако «Драконья лодка, рассекающая волны» семьи Чжоу обладала достаточным опытом, и в глазах её капитана Теневая область Сюаньмин была всего лишь слегка опасным районом. Капитан уверенно вёл судно на полной скорости, но, едва войдя в эти воды, услышал оглушительный грохот, словно раскалывалось само небо. Подняв голову, он увидел айсберг высотой в сотню чжан, несущийся прямо на них! При такой скорости и мощи даже защитные формации на корабле не спасли бы его от разрушения в щепки! Лицо капитана мгновенно исказилось ужасом.

<http://bllate.org/book/15949/1426072>